

Плохие парни со стильными прическами

"Настоящий самурай не моет волос, дабы избежать нападения сзади."

Хагакурэ

У нашей золотой рыбки Малыша Канчо были проблемы. Словно он почувствовал, что его тезка отошел в мир иной, Малыш Канчо слабел с каждым днем. Две другие рыбки были в полном порядке, здоровее, чем когда мы их привезли.

- Это от нехватки кислорода, - сказал Толстый Фрэнк. - Две другие отбирают весь кислород у Малыша Канчо.

- Дело не в том, чем они дышат, а в том, что пьют, - сказал я. - Вода грязная, тебе надо почаще чистить аквариум.

- А почему бы тебе не почистить аквариум, - встрял Крис. - Или по крайней мере не вымыть посуду?

В итоге Бен почистил аквариум, но Малыш Канчо не оклемался, поэтому я присоединил воздушный шарик так, чтобы он сдувал в аквариум воздух, поставляя дополнительный кислород в воду.

- Хорошая идея, - сказал Крис, - но она не работает.

- Почему?

- Я наблюдал за Канчо с тех пор, когда мы его взяли. Он всегда плавает с небольшим креном влево. А две другие рыбы - абсолютно вертикально. А у него крен стал еще сильнее. Думаю, он был болен еще до того, как мы его взяли. Он обречен.

Бен подошел и приблизил лицо к аквариуму. "Ну же, Канчо, не умирай! Пожалуйста, не умирай!"

Я сочувствовал страданиям Малыша Канчо. Каждый раз, когда я делал вдох, слышался странный щелчок в моей груди, будто что-то отсоединяется. Еще я кашлял желтой мокротой. Каждый день в то время записи в моем дневнике начинались со слов "худший день" или "куда уж хуже, чем сейчас" или "сегодня мы свалились на самое дно". Я начинал формулировать лозунг, который бы поддержал меня морально: В любой ситуации все может стать еще хуже, неважно насколько плохи твои дела сейчас - дальше они могут пойти еще хуже и обычно так и случается; но помни, что и это тоже пройдет.

Рэм тоже был на грани срыва. Причиной этому была фотография Канчо-сенсея, которая теперь весела под алтарной полкой. Рэм объявил, что больше не может кланяться алтарю, потому что в иудаизме не кланяются человеческим изображениям. Но поклоны алтарю были важной частью ежедневного ритуала в додзё. Мы кланялись шесть раз ежедневно на глазах у всех присутствующих. Неужто Рэм собирался бросить занятия только из-за религии? Крис, которого с Рэмом познакомили мы с Бэном, пытался предоставить аргументы в пользу религиозного отступничества. Аргументация обычно была примерно такой:

Крис: "Ты же кланяешься партнеру в конце тренировки, это ведь нормально?"

Рэм: "Да, нормально."

Крис: "А знаешь почему? Дело в том, что в японской культуре поклон является аналогом рукопожатия. В этом вся его суть."

Рэм: "Но с фотографией я не могу обменяться рукопожатием!"

Крис: "Но смысл тот же!"

Рэм: "Нет, фотография - это другое"

Крис: "Поклон фотографии в Японии не имеет смысла, если ты не веришь в него."

Рэм: "А я не могу перестать верить. Никаких поклонов!"

Но Рэм решил эту проблему, или по крайней мере нашел временный выход. Он начал кланяться немного не по центру, не совсем в сторону алтаря. "Я кланяюсь стене", - сказал он с гордостью. Это было настолько небольшое отклонение, что учителя не обратили внимания, а его совесть осталась чиста.

Исчезновение одной фотографии из додзё бросалось в глаза, не было "Железного" Майкла Тайсона. Додзё оставалось верным Майку в течение всего судебного процесса об изнасиловании. И даже после того, как он был признан

виновным. И на протяжении апелляции Железный Майк освещал присутствием своих японских друзей, лишь после отклонения последней апелляции, фотографию сняли. В Японии, страшная правда заключается в том, что за изнасилование дают только два года заключения, и когда иранский студент изнасиловал шестерых японских девочек, он стал своеобразной национальной знаменитостью. Он заманивал девочек к себе в квартиру, обещая приготовить чудесный соус для макарон. Журнал Brutus, странная помесь между Hello и Loaded, даже опубликовал этот рецепт, извращенным способом определив его в категорию афродезиаков. У додзё был немного получше. Я знал, что фотографию Тайсона больше не вернут на место, даже когда его выпустят из тюрьмы.

Кейко, новичок в додзё, была только рада кланяться алтарю. После занятий я видел ее медитирующей перед неулыбчивой фотографией Канчо добрых пять минут.

Кейко, как и Долорес, которой теперь вход в додзё был заказан, стала просто одержима айкидо. Мужчины-айкидоки умели скрывать свое пристрастие лучше, прикрывая его бесконечными тренировками и повторением техник перед зеркалом, в то время как женщины облекали свои пристрастия в присущую только женщинам форму. У Долорес это выражалось в виде безумной страсти к Фернандо-сенсей, а у Кейко это была любовь к Канчо.

Некоторые учителя в додзё женились на своих любимых студентках, а некоторые женились на сотрудницах офиса додзё. Именно это и было запланировано в случае Кейко, ее выбрал лично Канчо в качестве будущей подруги для одного из младших учеников. Чида и Такено женились на сотрудницах офиса, Андо и Накано женились на студентках. С его прилизанными черными волосами и лающим голосом Накано напоминал головореза. Мы никогда не видели его по утрам, потому что он учился на мануального терапевта. В общем его манера поведения, мне казалось, сработает против него на выбранном им поприще.

Аскетичная жизнь современного учи-деши (ученик в додзё) оставляла мало времени и возможностей для свиданий. У полицейских в этом плане жизнь была ближе к норме, у большинства из них были подружки, с которыми они встречались в свои редкие выходные дни.

Во времена Тессю все было намного свободнее. Он заявлял: "В мои двадцать и тридцать я был одержим природой сексуально страсти. Я спал с тысячами женщин в надежде устранить различие и недопонимание между мужчиной и женщиной, собой и другой".

Такое высокопарное объяснение постоянной погони за сексом не вызвало сочувствия у его жены. Размахивая кинжалом, она поклялась, что убьет себя и детей, если он не перестанет спать со всеми подряд. Он перестал.

У Уэсибы, основателя современного айкидо и учителя Канчо, тоже было много любовниц. Он поощрял своих юных учеников наращивать свое сексуальное ки, мастурбируя перед бумажными ширмами шоджи. "Тот, кто сможет пробить дыру в шоджи только с помощью своего семени, будет настоящим мастером!"

Кейко была девушкой неопределенного возраста, в районе конца второго десятка или начала третьего; в этом возрасте большинство японских девушек должно начинать беспокоиться о замужестве. Посреди одного занятия она, абсолютно проигнорировав учителя, начала подметать в углу додзё. В культуре, где обучение происходит посредством наблюдения и копирования, Кейко была радикальной индивидуалисткой. Даже сумасшедший иностранец не посмел бы начать посреди урока. Один из учеников подбежал к ней и вытолкнул ее из зала. И хотя она больше не бралась за метлу, я замечал некоторую нервозность среди учителей, когда она посещала занятия после этого случая.

Все это сумасшествие из додзё должно было на время переехать на природу. Наступило время гасёку. Ежегодное гасёку, летний лагерь, проводимый под руководством додзё, не имел аналога на западе. Его посещали все ученики, занимающиеся в додзё, включая полицейских, детей, молодых матерей и иностранных сенсусей. Старшего сенсей в лагере – в последние несколько лет это был Накано-сенсей – можно полноправно сравнить с главой огромной и счастливой семьи. Сенсей, учи-деши и севанин управляли делами, а полицейские выполняли их указания. И, конечно, посещение лагеря иностранными сенсусей было обязательным. Все сошлись во мнении, что это не плохо – девушки там тоже должны были быть, а тренировки по слухам были мягче, чем обычно. Кроме того, мы должны были тренироваться с обычными учениками, что на фоне привычно строгого и безжалостного режима было для нас сопоставимо с отдыхом.

В помощниках у Накано-сенсей были обладатель пятого дана и высокомерного выражения лица, не профессиональный айкидока, взятый для административных

поручений, миниатюрный учи-деши Фуджитоми и севанин Стампи – а также Сакано-сенсей, которая при своем четвертом дане имела наиболее высокий уровень в додзё среди женщин и была единственным учителем женского пола.

По сравнению с другими стилями айкидо Ёшинкан был в основном ориентирован на мужчин, хотя время от времени появлялись и ученики женского пола. Это была давняя традиция, одним из любимых учеников Канчо в 1920-х была женщина. Не такие сильные, как мужчины, женщины обычно быстрее овладевали правильной формой исполнения, поскольку наиболее частой ошибкой у новичков бывает использование силы вместо техники. Лучшим учеником Такено, которого серьезно боялись, была женщина. За ее спиной мужчины поговаривали, что несмотря на красоту исполнения в ее бросках не было мощи. Женщины, чьи тела были скроены по мужскому подобию, как правило не уступали мужчинам, но остальным женщинам приходилось применять скорость и совершенную форму, чтобы сдвинуть своих громоздких противников. Японские женщины, как правило, не любят кровоточащих носов и выщербленных зубов и предпочитают оставаться высокотехничными профессионалами в боевых искусствах вместо того, чтобы рисковать своей внешностью оттачивая бойцовское мастерство. Поскольку к женщинам в додзё предъявлялись одинаковые требования с мужчинами, я видел, что это не плохое место для занятий. Женщины-айкидоки, в основном молодые ученицы вузов, были страстно увлечены занятиями и многие из них решили посетить летний лагерь.

Как только мы вошли в автобус, и, естественно, полицейские и сеншусеи тут же заняли места в конце автобуса, я обратил внимание, что Кейко, со своей обычной безумной и невозмутимой улыбкой, тоже ехала с нами. Я сразу подумал о том радушии, которое проявлялось в айкидо ко всем занимающимся, – словно все мы были членами одной общей семьи. Но на самом деле японцы всегда надеются, что ты поставишь собственные интересы на последнее место. Многие японцы знакомы с английским выражением "быть сосланным в Ковентри" (прим. пер. – означает подвергнуться опале или бойкоту, происхождение фразы связано с тем, что во время гражданской войны в XVII в. захваченных в плен королевских солдат ссылали в г. Ковентри) – они сразу же понимают о чем идет речь, поскольку это вполне в японской традиции: создавать такую неприятную атмосферу, когда тебе все-таки придется сыграть роль Капитана Оатеса и пожертвовать собой даже если этого не хочется. (Между прочим, большинство японцев считает подвиг Оатеса совершенно нормальным поступком – они придумали для себя, что его заставили выйти из палатки в результате негласного решения большинства, поскольку именно так бы случилось в Японии.) (прим. пер. – речь идет об участнике экспедиции Р.Скотта на Южный полюс, Лоренсе Оатесе, о котором известно, что в сорокаградусный мороз он вышел из палатки босиком, чтобы увеличить шанс выживания своих товарищей по экспедиции.)

Автобус тащился через Токио и заехал в Чибу. Мы проехали завод по сжиганию мусора, в это время приторная девушка, предоставленная автобусной компанией для нашего сопровождения, рассказала нам, сколько в точности мусора сжигается на заводе ежедневно. Мы выразили уважительное восхищение острову "Томи", который построен из мусора и находится в Токийском заливе. Мы проехали по подвесному Радужному мосту и были проинформированы о его точной длине в метрах, а также о том, что он на 327 метров короче моста через Йокогамский залив. По-видимому, мосты в Японии олицетворяют романтику – в любой субботний вечер вы можете увидеть ряды Тойот и Нисанов, припаркованных со включенными фарами по всей длине моста через Йокогамский залив, пока влюбленные парочки всматриваются в темные воды глубиной в сотни метров у их ног. Никто не занимается сексом – для этого есть "гостиницы любви" – здесь они просто наслаждаются необъяснимой романтической атмосферой, которая непонятна западному наблюдателю из-за большого количества присутствующих.

В храме будо в Кашима (префектура Ибараки), который расположен в небольшом лесочке, где из-за громадных сосен и кедров едва заметны деревянные похуже на пагоды строения храма, мы бросили монетки в алтарную решетку и отправились на поиски прохладительных напитков. Вокруг входа в храм было множество сувенирных лавочек, торгующих деревянными дощечками удачи, и магазинов традиционного оружия. Когда мы усаживались обратно в автобус, я заметил, что Кейко приобрела традиционный деревянный меч, обернутый в прозрачную упаковку, чтобы покупатель мог его рассмотреть. Неудержимый Хал, студент университета, высказался по этому поводу: "Он конечно в целлофане, но это не значит, что ты можешь его съесть", – и Кейко одарила его в ответ суровым взглядом. Но это и

правда была странная покупка для женщины; несмотря на то, что по японской традиции женщины могли заниматься боевыми искусствами, очень редко можно было увидеть свидетельство этого.

Мы прибыли на место.

- Черт, - сказал Бен - Это похоже на армейские казармы.

- Я говорил тебе, - сказал Билл, хотя он ничего такого не говорил, - Чего ты ожидал?

- Я представлял себе бревенчатые домики вокруг открытой площадки додзё, маты на открытом воздухе или что-то в этом духе, - сказал я.

- Четырёхэтажные бетонные бараки, - разочарованно сказал Бен.

Здание додзё производило более благоприятное впечатление. Оно было расположено недалеко от бараков и представляло собой огромное строение из дерева с массивными деревянными дверями на каждой стороне. Двери были распахнуты, и это давало ощущение легкости и открытости. Если постараться, можно было почувствовать в воздухе запах моря. До моря было рукой подать, но в какой конкретно стороне лежал берег, никто не знал.

Когда Ага увидел ступени крыльца додзё, он чуть ли не подпрыгнул от радости. Он и Малыш Ник взяли с собой роликовые коньки, а десять ступеней крыльца, опоясывавшие здание по всему периметру длиной сто пятьдесят метров, представляли собой первоклассную площадку для катания. Глупый Ага! Здание додзё считается священным местом. Катание на роликах по его крыльцу неизбежно будет выглядеть кощунством с точки зрения японца, но не Ага, ни Малыш Ник, по-видимому, об этом и думать не хотели. Они быстро переоделись в шорты из лайкры, переобулись в роликовые конки и начали «осквернять» крыльцо додзё.

Нас распределили по комнатам. Мне предстояло жить вместе с Сакума, Хэлом и еще парой копов, единственным другим иностранцем в моей комнате был Билл. Сакума медленно приходил в себя после унижений, пережитых ранее. Он очень сильно похудел, но что самое важное, он не собирался сдаваться, не смотря на то, что сейчас получал ударов и пинков еще больше, чем ранее. Сакума заслужил уважение своей стойкостью. Копы перестали его игнорировать, и дали ему прозвище Кума или Кума-тян, по-японски это значит «медвежонок». В самом деле в его облике было что-то от плюшевого мишки. Он принял меня в качестве семпай, (букв. перевод - «старший брат»; в восточных системах обучения - ученик, который больше знает или умеет; в каком-то смысле наставник, куратор; пример для подражания. Прим. переводчика) и настаивал на том, чтобы оказывать мне всякие мелкие услуги, например, наливал мне напитки и расчищал место, чтобы я мог присесть. В ответ, как я думаю, я должен был ободрять его и не мучить в течение курса. Это взаимоотношения «кохай - семпай» («младший брат - старший брат», прим. переводчика). Обе стороны выигрывают, хотя на западный взгляд это скорее похоже на доминирование одного человека над вторым, и этот второй мало что выигрывает от таких взаимоотношений. Настоящий семпай - это как добрый старший брат. Его бросят, если он будет слишком плохо обращаться с младшим братом.

Билл и я были очень довольны тем, что мы единственные иностранцы в нашей комнате, так как хотели быть по возможности дальше от остальных сенсусеев. Мы и так проводили по восемь часов в день пять дней в неделю все вместе. Я виде их плачущими, смеющимися, орущими и моющимися в душе. Я убирал за ними дерьмо в туалете. Мы дубасили и кидали друг друга до полного изнеможения, затем сидели часами в чайной комнате и поносили всех и вся. Последняя вещь, которую я хотел бы - это уютиться бок о бок с остальными членами группы в тесной комнатухе.

Копы и сенсусеи-японцы - это совсем другое дело. Они тоже тренировались вместе с нами каждый день, но жили в другом месте, поэтому между нами и ними сохранялась определенная естественная дистанция.

В лагере соблюдалось жесткий распорядок дня и каждый получил свою копию расписания. Если мы не тренировались, не мылись, не ели и не присутствовали на собраниях группы нам предписывалось находиться в наших комнатах. Возникло впечатление тотального контроля - совсем не трудно представить Японию коммунистической страной, и, возможно, если бы не Канчо и его штрейкбрехеры 50-х, она и могла бы такой стать. Как известный мастер боевых искусств, имеющий обширные связи с консерваторами, Канчо использовал университетский клуб боевых искусств как вербовочный пункт для найма штрейкбрехеров. Хотя ему удалось вывести из под контроля коммунистов такие громадные концерны, как Нихон Кокан Стил, я никогда не слышал, чтобы этот аспект деятельности Канчо

обсуждался в додзё. Если бы его действия не имели такого успеха, в Японии произошел бы коммунистический переворот, на распорядок и атмосферу тренировочного лагеря это никак бы не повлияло.

День начинался в 6:00 по будильнику: один из полицейских дубасил во все двери, чтобы разбудить обитателей. В 6:15 мы должны были присутствовать на церемонии поднятия флага Страны Восходящего Солнца. Чтоб подумал полковник Х.Твиггер, если бы он узнал, что его внук поклонится фальшивому желтолицему божку?

Каждый день один из детишек должен был поднимать флаг. Хитрец Хэл проводил церемонию. Накано не появлялся до завтрака. («Берег свою ки», как говорил Бен, то есть пользовался своим правом отоспаться). То, что поднятие и опускание флага поручалось ребенку, было очень удачным выбором с точки зрения психологии. Во-первых, дети получали необходимые навыки, во-вторых это делало атмосферу церемонии более семейной и неформальной. Я как-то видел анимационный агитационный фильм времен Второй мировой войны. В нем героические японские пилоты Тихого океана были бурундуками и кроликами. Враги были выведены как буяны, пьяницы и злодеи, вторгшиеся в чистый мир плюшевых диснеевских зверюшек. Японский фашизм имеет семейный оттенок, поэтому он легко превратился в капитализм: семейная ячейка просто стала потреблять и копить деньги, а не приносить себя в жертву. Если бы флаг поднимал взрослый, люди могли бы начать протестовать, и дело могло бы принять серьезный оборот. Это могло бы быть причиной неподчинения, люди могли бы отказаться кланяться флагу. Но если флаг поднимает ребенок, то мы заранее на его стороне, мы знаем, что он нервничает и никто не захочет его подвести. Более того, мы понимаем, что у ребенка искренние намерения, и если он нечаянно уронит флаг на землю, этот инцидент не будет иметь иронического подтекста, а будет просто случайностью.

В 6:30 мы делаем зарядку под старомодный музыкальный аккомпанемент из репродукторов, выстроившись в несколько шеренг перед исторически жизнерадостным инструктором. Опять-таки зарядку проводят взрослый и ребенок. Хитрец становится немного более человечным, когда рядом с ним стоит дитя. Это известная техника манипулирования, которая в японском языке даже имеет свое собственное название: «мужчина приходит на встречу вместе со своей маленькой дочерью» – когда сотрудник приходит к боссу со своим самым младшим ребенком, чтобы придать переговорам более неформальный и человечный оттенок, обычно чтобы попросить повышения зарплаты или внеочередной отпуск.

Я знал, что Хэл постарается превратить утреннюю гимнастику в абсурд, но мне было интересно, каким именно образом он это сделает. Вполне ожидаемо он проводил зарядку с полной самоотдачей и серьезностью, что совершенно абсурдно, с учетом того, что никто не может быть хотя бы наполовину серьезен проводя такое идиотское мероприятие. Принимать это всерьез и проводить должным образом – это был также способ самоутвердиться без лишнего притеснения всех остальных членов группы.

После зарядки следовал совершенно неаппетитный завтрак. Я так и не смог привыкнуть к тому, что миска мутной пахнущей рыбой жидкости и миска разваренного риса посыпанного сухой рыбой и водорослями называется «завтрак». Правда, если вы умираете с голода, вам уже все равно.

Обед и ужин были немногим лучше, они состояли из традиционных японских блюд, то есть как правило, представляли собой «мусорную еду». Все это, на мой взгляд, было в среднем абсолютно несъедобно: вся еда была переваренная или пережаренная, тем не менее или совсем холодная, либо едва теплая и совершенно безвкусная. Ее можно было есть, если только быстро проглатывать не пережевывая. Все те, кто декларирует любовь к традиционной японской кухне – ненормальные, проглатывающие целиком такие деликатесы как: лапша, одиноко плавающая в пустом бульоне; рис с холодным соусом карри; водянистые бургеры, которые окатывают вас жидкостью, похожей на гной, когда вы пытаетесь подцепить их на вилку; жирные спринг роллы; холодные горки картофельного пюре, зачем-то посыпанные сверху перцем чили; микроскопического размера порции салатов, сделанные поваром без капли фантазии с заправкой из безвкусной дезодорированной спермы; крошечные сардельки, которые больше всего по виду напоминают экскременты. И все это обязательно сопровождается белым клейким рисом, который имеет нулевую питательную ценность. Белый рис как часть японской культуры, которая особенно ценилась националистами в 1930-е

годы, символизирует собой ту липкую кашу, в которой Япония время от времени имеет тенденцию вязнуть.

Интересно отметить, что в префектуре Яманаси, жители которой имеют наибольшую продолжительность жизни среди всего населения центрального и самого большого японского острова Хонсю, используют в качестве главного продукта пшеницу, а не рис. Кухня в Японии не везде основана на использовании риса, потому что белый рис до двадцатого века был большой роскошью. Его использовали в качестве «королевского шиллинга» для того, чтобы рекрутировать деревенских юношей в армию, которая в 1904 году разгромила русских. В этой войне больше японцев умерло от дефицита витамина В, чем от вражеских пуль. Огаи, главный хирург Японии в то время, знал, что белый рис является диетой, бедной витаминами, но не распространял эту информацию, чтобы не препятствовать процессу вербовки рекрутов.

Японцы обычно радуются, когда вы выражаете в мягкой форме свою нелюбовь к их кухне. С их точки зрения, это еще раз подтверждает отличие японской культуры от остальных культур мира. Однако мое предположение состоит в том, что японцы подозревают в глубине души, что их еда по большей части отвратительно безвкусная; называя ее экзотической и особенной они всего лишь пытаются сохранить хорошую мину при плохой игре. Люди, которые действительно хорошо готовят, не болтают все время про то, как вкусны их блюда. Они просто их едят. Японский пунктик на еде вызван их сомнениями в адекватности их национальной кулинарии.

Перед ужином Бен и Рэм пришли к нам в комнату. Они сообщили никого не удивившую новость о том, что кататься на роликах в лагере запретили. Вдоль стен комнаты стояли тяжелые скамьи с футонами и одеялами на каждой из них. Мы сидели на скамьях и болтали. Каждый из нас хотел рассказать больше о своей прошлой жизни, которая до этого, кажется, и вовсе не существовала. С началом курса сложилось впечатление, что настоящая наша жизнь началась только с первого дня тренировок в качестве сеншусей. За дверями додзё был совершенно другой мир, про существование которого никто не догадывался. Это было немного похоже на учебу в английской публичной школе.

Возможно, потому что атмосфера была очень непринужденной, Билл задал Рэму весьма прямой вопрос: «Так сколько же на самом деле ты убил людей?» В странном мире боевых искусств почитается за особую доблесть, если ты лишил жизни кого-либо. Рэм улыбнувшись дал нам список подтвержденных жертв: двое «террористов», которых он убил из винтовки около иорданской границы, палестинец (я подозреваю, что он мог быть и не один), который умер после жестокой драки

- Возможно вы думаете, что я сумасшедший убийца, но это не так Другой израильтянин меня бы понял, - он усмехнулся, блеснув круглыми стеклами очков. Он совершенно не был похож на человека, способного убить.

Он пожаловался на всю армейскую бюрократию, сказав, что только по этой причине он подал рапорт на увольнение. - Ты убиваешь одного человека, и должен заполнить тысячи форм. Это сумасшествие.

В Ливане войскам было запрещено избивать женщин.

- А что поделатъ? Женщина плюет тебе в лицо, потому что ее сына убили, и пытается выдрать тебе волосы. Все твои подчиненные на тебя смотрят. Тебе не остается ничего, как только ударить ее. Поэтому я сказал своим солдатам, что они могут ударить женщину, только не на главной улице, а где-нибудь на задворках.

- Но в Газе мне было страшнее всего. Даже когда я спал, где-то в глубине моего мозга всегда присутствовал страх. Я никогда не забуду этого, до самой смерти. - Рэм усмехнулся вопросительно. - Вы думаете, что я сошел с ума. - Он посмотрел на Бена, который был евреем по национальности, однако не израильтянином. - Другой израильтянин меня бы понял.

Староста группы зашел к нам в комнату и напомнил, что наступило время ужина. - Тяжелый случай, - сказал Билл мне по пути в столовую, - Ага и эти армейские ребята только играют в солдатики. Рэм настоящий солдат

- Хотя мне кажется, что он все же слегка сумасшедший, - заметил я.

-Что значит сумасшедший? - сказал Билл - Он нормальнее, чем большинство придурков, с которыми мы тренируемся.

После ужина у нас по расписанию было собрание всей группы, которое послужило поводом, чтобы выпить пива. По японскому обычаю каждый участник собрания должен был произнести речь, что значит, что за вечер мы должны были выслушать

порядка сорока выступлений, и последнее из них должен был произносить Накано-сэнсей. «Он похож на кита-убийцу, правда?» – сказал Малыш Ник, и он был прав. С маленькими глазами на широком и грубом лице Накано действительно напоминал касатку. Он не был громадных размеров, но тем не менее прозвище ему подходило, потому что в его облике что-то грубое и жестоко

Когда подошла моя очередь произносить речь, я решил сказать что-нибудь смешное, не смотря на указания Накано по поводу того, что все доклады должны быть на тему «что айкидо значит для нас».

– У нас, англичан, – начал я, вставая, – тоже есть свое будо – оно называется крикет.

Накано засмеялся, и другие слушатели тоже.

– А по поводу крикета у нас есть поговорка: «Не важно, выиграл ты или проиграл, важно КАК ты играл». Суть айкидо так же в том, как вести поединок. Единственное, что меня расстраивает в айкидо, и это основное отличие айкидо от крикета – я не могу носить чертовы наколенники!

Сато произнес речь, в которой он сказал, что ненавидит айкидо. Суть его концепции состояла в том, чтобы показать, как сильно айкидо переплелось с его жизнью. Накано развил тему в своей собственной речи, в которой он в том числе напомнил, что Канчо сказал однажды: «Вы должны принимать айкидо всерьез, потому что если вы перестанете практиковаться и откажетесь от него, вы навсегда потеряете покой.»

К счастью для всех, выступления на подобных собраниях обычно совсем короткие, поэтому мы скоро перешли к бутылкам «Кириин». Билл открывал бутылку одну за другой и говорил про свою прошлую жизнь. Он поступил в колледж, позднее, чем это бывает обычно, в двадцать четыре года, и перед этим сменил несколько работ, работал на авиалинии на северо-западе США, перед этим рыбачил на Аляске. Каким-то образом мы подошли к вопросу расовых и национальных отличий.

Билл спросил Рэма: – Ты белый?

– Не понял, – удивился Рэм.

– Ты считаешь себя человеком с белым цветом кожи?

Народ вокруг зашумел, как бы говоря: «Конечно, Рэм – белый, как же иначе?» – Но Билл настаивал на своем.

Рэм сначала не понимал, о чем речь, но когда он догадался, то выдал длинное и обстоятельное объяснение. Да, сказал он, израильские Йеменцы рассматриваются, как представители африканской расы, и часть из них действительно достаточно темнокожие, и по сравнению с ними Рэм – белый.

– Ты больше похож на средиземноморский тип, – сказал я, как всегда, в попытке примирить стороны.

– Как итальянец или грек. – подтвердил Рэм.

Но тут вклинился Дэнни: – Первая негритянка, которую я видел, была женщина из Або, выходящая из такси в Элис. Господи, я не хотел туда садиться после нее! Они настолько не похожи на нас!

Он продолжал в том же духе, говоря, что байки про вьетнамцев, мочащихся на сиденья в туалетах, и прочую расистскую чушь он считает неприемлемой. Дэнни был просто-напросто деревенщиной. Он дружил с Ага, а Ага был китайско-португальским метисом; у Дэнни также была шестнадцатилетняя подружка – японка. Его расизм был чисто теоретическим. Когда он знакомился с людьми ближе, он переставал замечать расовые отличия и совершенно нормально к ним относился.

Придумав удачное прозвище для Накано, Малыш Ник в каждом из сэнсей пытался найти что-либо от животного или рыбы. Чино, по его мнению, был похож на рыбу-молот, а Оямада был большим тюленем. Мاستард был львом, и Чида был гепардом. Правда, когда Малыш Ник сказал, что он сам похож на пуму, это привело к большим разногласиям в группе.

– Серьезно, ребята – сказал он, – Неужели вы никогда не замечали, что хорошие парни похожи на кошек, а плохие – на рыб?

Мы продолжали пить пиво, пока Касатка не сказал, что нам пора в постель.

Следующий день был копией предыдущего, за исключением утренней и дневной тренировок. Вечером мы завалились в чью-то комнату и пили с полицейскими, пока не услышали, как Накано говорит с кем-то в коридоре. Копы сделали фантастический по быстроте трюк, моментально скрывшись за двумя шкафами, в которых помещались футоны и посуда. Это было как в дешевой комедии. Затем

пришел Накано и стал подозрительно осматривать комнату. Он сказал, что нам пора баиньки, но так и не заметил притаившихся полицейских. Копы вылезли из убежища ко всеобщему восторгу. Единственным, кто не смеялся, был Рэм. «Почему они не могут себя вести, как мужчины? Боятся Накано, как дети малые!»

На следующий день незадолго до завтрака Хэл ворвался в комнату и выпалил, что Кейко угрожает детям своим деревянным мечом. Я не поверил этому, поэтому спустился вниз в лобби и увидел Кейко, сидящую с угрюмым выражением лица. Меч, все еще затянутый в пластик, лежал рядом с ней, и это делало Кейко еще более жалкой и трогательной. Я прошел мимо по направлению к додзё, встретил Хитреца Хэла и Карлика Фуджитоми, которые возвращались в бараки. Внезапно Кейко пронеслась мимо меня и замахнулась мечом на Хитреца. Фуджитоми стоял и ничего не делал, Хитрец тоже застыл как вкопанный, спасибо айкидошным тренировкам с мечом. Кейко несколько раз сильно ударила Хитреца и вцепилась ему в колено. Затем она убежала в сторону додзё. Хитрец послал Фуджитоми ловить ее, Фуджитоми мгновенно испарился. Вскоре подошло время завтрака. Фуджитоми не появился на синтоистской церемонии благодарения перед завтраком, поэтому Сакано пришлось проводить эту церемонию за него.

После завтрака Рэм взял свою камеру и мы пошли искать Фуджитоми и Кейко. Крошечный учи-деши безуспешно пытался вывести Кейко из додзё. Она как раз проводила сидячую акцию протеста посреди занятия кендо. Поскольку Кейко была тяжелее Фуджитоми, ему требовалось приложить значительные усилия, чтобы заставить ее подняться и уйти. Фуджитоми заметил нас и помахал нам рукой, как если бы хотел, чтобы мы ушли и оставили его в покое. Позднее Фуджитоми сказал мне, что вообще-то он звал нас на помощь, но в тот момент я забыл, что жест, который на Западе означает «уходите», в Японии имеет совершенно противоположное значение.

В тот же день у нас была тренировка, которую проводил Накано, а у копов была экскурсия в ближайший синтоистский храм. Полицейские были против тренировки, но сенсусеи-иностранцы, желающие показать свое намерение серьезно тренироваться и жаждущие увидеть крутого инструктора Накано, добровольно выбрали страдание. Всю тренировку Накано постоянно отвлекался, подходил к окну и смотрел во двор. Он продемонстрировал совершенно электризующее коте гаеши на Дэнни, который был удивлен тем, как быстро и сильно была выполнена техника. Накано же вернулся к своему посту у окна. За полчаса до официального конца тренировки он извинился, и сказал, что вынужден закончить занятие, так как ему надо заняться Кейко, которая все еще бегает по лагерю и безобразничает.

С этого дня комнату Кейко круглосуточно охраняли двое полицейских. Она даже в туалет не могла выйти без сопровождения полицейского из спецотдела! Тем же вечером, пока мы любовались фейерверком, за Кейко присматривали двое полицейских. Фейерверки могли нанести ущерб психике Кейко, поэтому ее заперли в комнате. Никто не понимал, и вообще не размышлял о том, почему Кейко сошла с ума. «Она просто хен-на, странная, вот и все», – сказал Хэл. Фейерверки были совершенно потрясающим зрелищем, не то что на Западе. Было очень весело, и совсем небезопасно тоже. Дети подбегали ко мне с ракетами и римскими свечами в руках и упрашивали меня зажечь фитиль от сигареты. После некоторого колебания я соглашался. Было несколько неудачных запусков – когда ракеты поднимались и летели куда-то в сторону на высоте головы, а также несколько снарядов, которые не разорвались в воздухе, зато взрывались после падения на землю.

Очень обеспокоенные вопросами безопасности Бешеный Пес и Дэнни были удивлены, как народ беззаботно веселился. Не было никакого централизованного контроля за запуском фейерверков. Вместо этого было совершенно никем неконтролируемые гуляния, причем самые большие заряды фейерверков запускали полицейские и начальники. Это было похоже на праздник непослушания в детском саду: каждый считал, что самый лучший способ запустить громадную ракету – это подкинуть ее рукой. Бешеный Пес стоял с руками, сложенными на груди, как недовольный пожарный. «Такого не следовало допускать!» – говорил он каждому, кто проходил мимо.

Мы продолжили веселиться после того, как был исчерпан весь запас ракет. Затем прошел слух, что приехал брат Кейко, чтобы забрать ее домой. Все еще больше обрадовались. Полицейские и сенсусеи в возбуждении стали сдирать с себя рубашки, чтобы сфотографироваться. Это обеспокоило Накано, который стал упрекать нас в том, что мы, как иностранцы, которые будут инструкторами

айкидо, обязаны даже в большей степени, чем полицейские, показывать хороший пример. Это были необдуманные слова с его стороны. Что Накано действительно хотел сказать, так это то, что мы стали трудной группой со дня нашего прибытия, в который Ага и Малыш Ник бросились первым делом осваивать на роликах крыльцо додзё. Далее последовала цепь менее значительных, но тем не менее оскорбительных для ума и достоинства японца нарушений режима и порядка. За это Накано нас и собирался наказать, однако мы его выпады по поводу рубашек посчитали неадекватными и, следовательно, несправедливыми упреками. Малыш Ник, до сих пор по детской наивности считающий всех взрослых честными, попал в самую большую опалу. Он никак не мог сопоставить великолепные способности Накано, как мастера айкидо с тем, что в жизни он вел себя, как злопамятный ублюдок.

Праздник, немного поутихнув, переместился в другую комнату. Шерлок и я строили планы о том, как позже летом совместно будем рыбачить в открытом море. Эльф массировал мои плечи, а Брат Эльфа говорил на том особенном диалекте английского, который он освоил в возрасте четырнадцати лет. Он повторял это много-много раз, поэтому я помню его слова хорошо: «Таро хочет играть в бейсбол, но его легко смутить...» На последнем слове он сбивался и начинал истерически хохотать. Шерлок отвел меня в сторону и рассказал свою «тайну». Японцы вообще придают большое значение процессу передачи личной информации. Есть всякая разная ежедневная фигня, и есть «секрет». Одна женщина, которая училась у меня около года, как-то раз внезапно сообщила мне: «У меня есть секрет. Вы знаете, я живу со своим братом. Честно говоря, он мой муж, я замужем, но я его терпеть не могу!»

Лицо Шерлока было пунцовым от выпитого, его глаза почти закрывались. Он наклонился ко мне и сказал: «У меня есть секрет... Вообще-то я – совсем не японец!»

Я стал смеяться, но он посмотрел мне прямо в глаза с абсолютно серьезным выражением: «Мой отец японец. Моя мать – кореянка. Иногда я ненавижу японцев. Что ты об этом думаешь?»

– Иногда я тоже их ненавижу, – сказал я.

– И это хорошо, правда ведь? – сказал Шерлок, делая очередной глоток из бутылки.

Мне нравилось общаться с полицейскими. Они были простые и добрые люди, даже когда выпивали. Перед одной вечеринкой иностранные сенсусей купили большое количество пива. Бешеный Пес собирал деньги на выпивку, а Стампи, как севанин, должен был купить ее. Он так же купил сигареты, которые он выдавал маленькими порциями всем нам по-очереди, лежа на своей скамейке. Вся сцена сильно напоминала фильмы про заключенных. И тут Бешеный Пес заявил громко на английском языке в сторону полицейских, которые хотели присоединиться: «Кто не заплатил – тот не получит пива!» Скорее всего, копы не до конца поняли, что он сказал, но тон был недвусмысленный. В Японии всегда принято платить свою долю, иначе это рассматривается как потеря лица. Они просто платят после, так как нарушать течение вечеринки процессом сбора денег никто не хочет. Бешеный Пес к тому времени просто не знал этой подробности – он только вступил в должность казначея, которая досталась ему по причине его чудовищной скупости. Никто больше не хотел отвечать за общественные деньги. (Скупость Бешеного Пса вошла у нас в поговорку – он даже женился в пятницу, 13-го, так как в этот день в магистрате была скидка для регистрирующихся брак!) И так, копы почувствовали себя не в своей тарелке, и быстро ретировались под предлогом спасения Сато из апартаментов Накано, где была вечеринка для персонала.

После того как мы покинули лагерь, расположившись на задних сидениях автобуса, внезапно была поднята тема «они и мы». Биллу и Бэну сказали, что они «хорошие иностранцы» (тактичные, тихие и дружелюбные), в то время как Малыш Ник и Ага были «плохие иностранцы» – урусай, что означает в буквальном переводе «шумные», но в Японии «шумные» – это эквивалент слова «невыносимые», и таких людей не терпят.

В результате, мы выгрузились из автобуса возле додзё и разошлись не прощаясь друг с другом. Я понял, что если люди проводят время вместе, это еще не означает, что они начинают лучше относиться друг к другу. На самом деле, непонимание может даже усилиться. Если мы чего-то недопонимаем в чужой

культуре, мы должны с терпимостью относиться к этим моментам. Альтернативой является конфликт. К сожалению, во многих случаях конфронтация действительно делает жизнь более интересной. И хотя часть нашей группы дружила с копами, в среднем, взаимоотношения между иностранцами и полицейскими существенно не улучшились после лагеря. Какой-то холодок был между нами на тренировках, как если бы мы знали, что мы никогда не станем хорошими друзьями, как надеялись в начале нашего знакомства. За нашими первоначальными радужными надеждами не было никакой реальной силы, а сейчас уже поздно, курс пройден на половину, и для всех будет лучше закончить все это как можно скорее и с минимальным напряжением.

Еще один момент застрял у меня в памяти из пути обратно. Мы остановились в ресторане пообедать. Около ресторана был автомат, торгующий сигаретами, по боковой стенке которого медленно полз гигантский богомол, минимум шесть дюймов в длину. Копы, иностранцы и японцы струдились на влажной дневной жарнице, чтобы понаблюдать за этим насекомым. Богомол остановился, и вытянул свои передние лапки с клешнями, как будто хотел их размять. Мы тихо переговаривались между собой, боясь, что богомол нас может услышать. Накано проходил мимо и его кто-то позвал из толпы подойти. Он так же присоединился к безмолвному наблюдению. Богомол замер, время замедлило течение. Накано вроде неплохой парень, - подумал я, - вот только прическа у него глупая, почти женская. Все продолжали наблюдать. И чем же это закончится? Накано, как будто услышав мой невысказанный вопрос, с быстротой молнии схватил богомола и сделал движение, как будто собирался бросить его на одну из девушек. Девушка завизжала, богомол улетел, а сиплый смех Накано заполнил своими удушающими волнами всю площадку.

Честно говоря, у нас не было никакого летнего перерыва в тренировках на курсе сенсусей. Зато в высшей школе, где я преподавал, были восьми недельные каникулы. В мой первый понедельник после них мистер Вада сказал мне, что он женится.

- Поздравляю! - сказал я

Он выглядел очень довольным и сказал мне, что его невеста тоже учитель в нашей школе.

- Кто?

- Она учитель физкультуры.

- Потрясающе! - сказал я. Учительница физкультуры была самой симпатичной женщиной среди преподавателей. Затем я вспомнил, что он говорил мне ранее, что его девушка работает в офисе. Это значит, что Вада, возможно, мне не доверял. В Японии, если вы что-то кому-то говорите, вы хотите, чтобы ваш собеседник всем разболтал эту новость. То есть он сказал мне, что его девушка работает в офисе для того, чтобы никто не заподозрил, что он собирается жениться на учительнице физкультуры.

- Она так же училась в этой школе, - сказал он, - у меня.

- Правда? Вы уже тогда ей нравились? - спросил я.

- Да, - сказал он, не испытывая ни капли смущения.

- Удивительно, - сказал я.

Я посмотрел на невозмутимое лицо Вада, на его влажные губы. Чувствовал ли он себя одиноким? Я вспомнил, как один из учителей сказал мне, то мистер Вада был единственным ребенком в семье. Мне показалось, что даже женившись он будет чувствовать одиноким

В начале сентября мы начали готовиться ко второму тесту. Пять месяцев прошло, еще шесть месяцев оставалось до конца курса. Этот тест будет последний перед экзаменом на черный пояс.

Через три месяца после получения черного пояса будет последний завершающий курс экзамен, что означает, что он будет даже сложнее, чем экзамен на черный пояс. Но на данный момент единственно важной вещью, которую я ждал от предстоящего теста, была возможность сменить партнера. Я был готов заниматься с кем угодно, потому что хуже Мальша Ника никого не могло быть.

Мои ребра щелкали, мои легкие свистели, напоминая мне все время о том, что я стою в паре с армянским подростком. Рэм обрил голову наголо в преддверии приближающегося экзамена. Чида-сэнсей удивленно спросил Рэма, зачем он это сделал.

- Каждый день брея голову я думаю об айкидо и о том, что я должен тренироваться интенсивнее. - ответил Рэм.

- Это неправильно, - сказал Чида, - вместо того, чтобы думать о том, как ты тренируешься интенсивнее и в это время брить голову, нужно в реальности тренироваться интенсивнее, и мечтать о том, как ты бреешь голову.

Билл и я начали традицию, которую мы соблюдали в последствии до конца курса. После тренировки мы зашли в кафе, где варили очень хороший кофе. Качество кофе было важным моментом для Билла, который вырос в Сиэтле и рассматривал болтовню в кафе за чашечкой хорошего кофе как одно из наиболее изысканных удовольствий в жизни. Для меня наши кофейные сессии так же стали одной из тех вещей, которые я предвкушал с самого утра каждый день.

У Билла родился ребенок, дочь. Его жена переехала к своим родителям, чтобы ей было проще присматривать за ребенком.

Билл был краток на счет этой части своей жизни: - Я не думаю, что вам, ребята, интересно слушать истории про моего ребенка, так как я сам не испытывал интереса к подобным разговорам, пока у меня не родилась дочь.

Такая тактичность характерна для Билла. Хотя он сам не курил, он никогда не жаловался на дым, и не цеплялся к курильщика.

В нем было что-то старомодное, возможно потому, что он был воспитан престарелыми приемными родителями, а не своей собственной семьей, которая жила на пособие и кого он откровенно презирал. «Мне плевать, считается это правильным или нет, но это выводило меня из себя. Вот почему я понимаю Адама. Я знаю, что его родители такие же отбросы, как и мои.»

Билл был прирожденным атлетом, в школе он весьма успешно играл в баскетбол, но в колледже бросил из-за агрессивной соревновательности командных видов спорта. Хотя он считал, что Мастерд не любит его (Билл испытывал потребность, чтобы его все любили, но он был гордый, поэтому я думаю, что время от времени он чувствовал себя очень одиноким), однако, он был вторым лучшим учеником после невоспитанного Малыша Ника.

Я видел, что Билл был почти в слезах после одной из тренировок Шиоды, когда мы должны были делать бесконечные верхние страховки через вытянутую руку. У Билла было защемление нерва в спине и каждый кувырок пронзал его тело волной сильной боли. И хотя ему трудно было даже вздохнуть, он не жаловался. Он справлялся с этим молча и самостоятельно. Один раз после того, как Бен пошутил и мы все хохотали перед входом в додзё, Билл сказал: «Пожалуйста, не смешите меня - мне слишком больно смеяться.»

Когда Билл немного поправился, он пару пожаловался на то, как мало симпатии выказывали ему, когда он был болен.

- Но ты же никому не рассказывал! - сказал я. - Мы просто не знали, что тебе было плохо.

Билл ответил: - Никто не должен просить о сочувствии. Но это не значит, что неприятно, когда тебе сочувствуют.

Бешеный Пес и Адам были любимыми мишенями сарказма Билла. Когда Бешеный Пес хвастался в чайной о своих громадных жизненных планах: «Анна Мари и я планируем завести двух детей», Билл моментально съязвил: «Два и три десятых ребенка, совершенно средний результат?»

Как раз в этот момент я вступил в «Винстон Смитовскую» фазу своей жизни. Многие иностранцы проходят через эту неизбежную фазу, когда знакомятся с японской девушкой, которая имеет несчастье, как и большинство японских девушек, все еще жить с родителями. Сара, только недавно закончившая школу, («Будешь поступать в университет?» - спросил я. «Ни за что» - ответила она, и рассказала про свои планы поехать в Индию к Саи Бабе, своему на тот момент любимому гуру, а так же в Англию, родину Брайана Джонса.) разумеется, жила с родителями. Она даже не могла дать мне свой номер телефона. О следующем свидании мы договаривались на предыдущей встрече, таким образом, наши встречи, узнав о любой из которых, как уверяла меня Сара, ее отец пришел бы в ярость, образовывали ненадежную цепь, связывающую нас вместе. Я был вынужден выискивать укромные местечки в парках и на набережных. Славное местечко, чтобы украдкой пообниматься, отмечал я и тут же замечал шалашик из старых картонных коробок. Так что какой-нибудь бомж вполне мог бы потребовать освободить свою редкую собственность. А укромные места и вправду были в дефиците. Адептам секса на свежем воздухе хорошо в Париже, Нью-Йорке, или Сингапуре. Не в Токио. В Токио все площадки заняты. В парках нет зарослей кустов, деревьев значительной толщины и вообще травы сколько-нибудь заметной

высоты. Зато «нозоки», любителей подглядывать за влюбленными парочками значительное количество. Нозоки – это люди, которые вполне адаптированы японской культурной традицией. Старые гравюры 17-го столетия изображают непристойные сцены, за которыми третий участник подглядывает в весьма кстати подвернувшуюся щель или отверстие – в современной жизни это скорее будет бинокль или подзорная труба с многократным увеличением. Ради этого нозоки готовы таиться за деревьями ночь напролет, скрываться за такими ненадежными и неприятными укрытиями, как мусорные баки и притворяться, что ловят рыбу там, где отродясь ее не водилось, и ни один участок, покрытый растительностью, не остается без их внимания. Если есть какая-то черта, характеризующая японцев, как нацию – то это явно должна быть склонность к подсматриванию.

Сара пыталась бы зарыться поглубже в кучу листьев, заслышав приближающиеся шаги, ее беспокойство передалось бы мне и я, как герой Винстон Смит, герой романа 1984 Оруэлла, планировал бы еще более фантастические и изощренные способы скрыться от «полиции» (публики вроде нозоки, которые были бы сильно биты в Англии за свою назойливую привычку подглядывать). В Японии же они обращают любовников в позорное бегство. К сожалению, я не мог провести стоячую или даже сидячую акцию протеста, а регулярные визиты в отели любви мне были не по карману.

Самыми лучшими местами были обнесенные изгородями заросли в лесных заповедниках. В них строго запрещалось находиться и другие японцы были слишком законопослушны, чтобы нарушать этот запрет в местах, которые охранялись для украшения города. Моим любимым предметом одежды был легкий плащ, который можно было использовать в качестве подстилки, не смотря на то, что он стал неопрятным и мятым от использования в полевых условиях. Время от времени в моем распоряжении оказывалась наша комната на Фуджи Хайтс, но это было трудно организовать регулярно, так как я должен был договариваться за неделю, а мои товарищи по комнате вели более непредсказуемый образ жизни. Кроме того, мне нечего было предложить в обмен на их любезность, и организация требовала массу сил. Поэтому проще было найти заросли в городском парке. Таким образом, я вел странный образ жизни, который только ухудшал состояние моих стертых коленей.

В нашей любимой кофейне мы с Биллом часто сплетничали обо всех, и особенно часто об инструкторах, которых мы не любили. Чино, по нашему взаимному согласию, был грубиян, Накано – невежа и нарцисс. Мастерд был непоследователен, Шиода – садист, Пол был слишком за панибрата, а Стефан слишком отстранен. Мы одобрили Даррена.

- У него рабоче-крестьянский стиль айкидо, - заметил Билл. - Не очень эффектный, зато эффективный.

- Они ждут от нас сразу совершенства, - сказал Билл, после одной из тренировок, - но все, что мы хотим – это понять, можем ли мы действительно чего-либо достичь в этом направлении. Но они не видят этого. Они все время на нас наседают, пытаюсь сделать нашу жизнь настолько невыносимой, насколько это возможно.

- Совершенно верно, - согласился я. Когда Билл начинал подобным образом, надо было дать ему выговориться.

- А сейчас айкидо – не самая главная часть моей жизни. У меня есть семья и ребенок, и я бы бросил тренировки прямо сегодня не задумываясь, если бы жена попросила бы меня об этом.

Направление разговора приняло опасный оборот: разговоры о возможности бросить тренировки расхолаживали и считались дурной приметой. После того, как Чино отчитал в грубой форме Адама за слабость, и чуть было не отослал его домой, Адам стал вести себя нервно и не переставал повторять с беспокойством, то он все равно может получить черный пояс, занимаясь на тренировках кеншу (более интенсивный, чем средний, курс тренировок, но и близко не сравнить с курсом сеншусей), как Крис или Толстый Фрэнк. Сеншусеи немедленно его одергивали. Существовало неписанное правило, что разговоры о том, что ты собираешься бросить – это очень заразная и неправильная вещь. Все в группе с упорством фанатиков считали, что бросить тренировки – это самое худшее, что может случиться. - Да все будет в порядке с вами. - Сказал Адам. - Вы не понимаете Чино. Отец моей жены якудза, и поэтому я знаю, что парень меня ненавидит.

Адам сказал это беспомощно, однако каждый из нас в глубине души знал, что по отношению к некоторым инструкторам это было правдой.

Сара считала, что заниматься боевыми искусствами глупо. С точки зрения современной японской молодежи айкидо выглядит также сексуально, как регби для их английских сверстников. Вот регби в Японии – совсем другое дело, в Японии совершенно определенно этот вид спорта считается модным. На самом деле айкидо считается еще более архаичным занятием, чем регби, это как смесь между танцем в средневековых одеждах и регби: смесь ультра-традиционализма, глупой одежды и насилия. То, что занятия айкидо привлекают иностранцев вызывает улыбку непонимания. Если бы Сара задумала бы научиться играть на волынке и уехала бы в Шотландию для того, чтобы присоединиться к ансамблю волынщиков – это было бы совершенно симметричным отражением ситуации. Я бы тогда тоже мог бы ее постоянно высмеивать. А вместо этого она любила Роллинг Стоунз, и считала с максимализмом, свойственным юности, что Брайан Джонс – самый сексуальный участник группы. По крайней мере, мой единственный соперник был уже мертв, однако она восполняла этот существенный недостаток с помощью алчного коллекционирования редких и удивительно непристойных видео записей Роллингов. Теперь-то я вижу, что ее поведение было совершенно нормальной реакцией здорового молодого организма на оупляющую жизнь в традиционной японской семье и тиранию отца. Она так же отличалась исключительным практицизмом и откладывала каждый пенни, который получала за свою работу в супермаркете, для того, чтобы уехать в Англию.

Я платил за большую часть наших расходов, но они были весьма скромные. Когда тебе восемнадцать, ты еще не успел приобрести привычку к роскоши. Или, по крайней мере, Сара не успела. Сидеть в барах она считала утомительным, и гораздо больше ей нравилось скрываться в парках от орлиного взгляда назойливых нозоки.

Когда я надел свою «командную» куртку сенсусей, которая была похожа на бейсбольную, Сара просто валялась по полу от смеха.

- Хорошо, - подумал я, - это, возможно, смешно. Но не на столько же?

Бейсбольные куртки и короткие стрижки носят только старшекласники – неудачники. Встречаться таким иностранцем-старшекласником за тридцать было слишком смешно.

Куртки были идеей Ага. Они были сделаны из искусственного черного шелка, с вышитым именем владельца и большой надписью на спине: «Айкидо Ёшинкан – инструкторский курс». Они стоили 200\$, что, конечно же, было слишком дорого. Но предприимчивый Ага каким-то образом умудрился всех убедить купить эти куртки. Ходили неподтвержденные слухи, что свою куртку он получил бесплатно за размещение заказа на оптовую партию. Позднее Ага пытался протолкнуть идею командных футболок, но мы с Биллом воспротивились этому. Футболки должны были быть сделаны по образцу тех, которые носят десантники, (одна из таких была у Ага) и на них предлагалось сделать следующую надпись: «Без страха, без извинений, без сожалений». «И без гомосексуалистов», добавил Дэнни. Даже Мастерд посчитал надпись отвратительной и преувеличенной. Ага продолжал гнуть свою линию, в результате чего группа остановилась на футболках с такими же надписями, как и на наших куртках. И только мы с Биллом отказались поддерживать командный дух таким способом – мы попросили сделать футболки без надписей, просто с изображением ёшинкановского орла.

- Больше похож на безумного цыпленка, - сказал Крис

Так же на наших с Биллом футболках было несколько иероглифических надписей. Даже этот невинный предмет туалета Сара осмеяла. Она сама предпочитала цветастые одеяния в духе шестидесятых, афганские пальто, старые потертые сумки и военные ботинки своего дедушки.

Когда подошло время второго теста, я решил не стричься. Стричься перед экзаменом было плохим предзнаменованием. Короткие стрижки определенно были частью образа жизни сенсусей. А Рэм опять обрился наголо, другие же стриглись под полубокс, но не брились совсем. Это определенно было сложнее, стричься таким образом. С большой долей нарциссизма мы разглядывали друг друга в раздевалке и обсуждали стрижки. Со своими относительно длинными волосами, я опять откалывался от группы. И хотя Малыш Ник старался изо всех сил быть хорошим партнером, мое сердце было неспокойно. Мы должны были показать семь случайно выбранных техник из пятидесяти или шестидесяти, которые к тому моменту выучили. Хотя я не делал грубых ошибок, Чида говорил мне, что я плохо чувствую партнера. Я слишком сдерживался. И как он умудрялся все замечать! Я, Бен и Адам прошли тест с оценкой «хорошо», все остальные получили оценки

«отлично». Дэнни особо отметили за хорошие стойки – и это действительно было большой похвалой.

Я начал осознавать, что подход Дэнни к освоению техник хорошо соответствовал структуре курса. Он просто делал то, что от него требовали другие. Он не полагался на свое собственное понимание и видение. В течение продолжительного времени он жаловался, что «ничто не работает». Но вместо того, чтобы менять или преждевременно вырабатывать свои собственные варианты техник, он продолжал работать над идеальной формой. В конце-концов такой подход начал оправдывать себя. Ага подходил противоположным образом, он делал все, как считал нужным. И было видно, что ему еще работать и работать в направлении к идеалу.

Сакума и Доппи были все еще хуже всех, но они почти уже нагнали группу. Основное различие было теперь между Сато, Хэлом и иностранными сеншусей с одной стороны, и копами с другой стороны. Технически мы выглядели более или менее на одном уровне, но гражданские сеншусеи старались сильнее остальных работать над эффективностью своего айкидо.

После сдачи я побрил свою голову. Время начать все заново. Я с нетерпением ждал, кто будет моим новым партнером. Информация о том, как перетасуют партнеров, была окружена избыточной тайной. Нам никогда этого не говорили. Япония – страна, где распространен дефицит информации. Если люди могут вам что-то не говорить, они этой возможностью, как правило, пользуются.

Мы заняли свои места, и после этого объявили список новых пар. Мне достался Бешеный Пес, и мы будем заниматься в паре до экзамена на черный пояс, который предстоит сдать в декабре. Могло быть и хуже. Он был доброжелательно настроен, и был достаточно взрослым, чтобы оставлять свои личные проблемы за порогом додзё. Мы, конечно, не были равными друг другу ни в каком смысле этого выражения, так как у него уже был черный пояс, но я был быстрее и легче, чем он. Хотя он все еще обладал бульдожьей хваткой, за которую получил свое прозвище.

В середине сентября у нас было еще одно событие: Всеяпонская демонстрация айкидо Ёшинкан. Демонстрации стали неотъемлемой частью айкидо Ёшинкан с триумфа Канчо на показательных выступлениях в 1954г перед громадной аудиторией. События спонсировала Японская ассоциация за продление жизни. Как многие группы, вовлеченные в деятельность, которая могла бы рассматриваться американцами, как милитаристская, они выбрали название, для которого «глупые американцы» не могли не сделать исключения из правил. Аналогично, локальные группы кемпейтай, японского эквивалента КГВ времен второй мировой войны, не были распущены – они просто превратились в местные ассоциации наблюдателей за общественным порядком в районе.

Демонстрация 1954г. имела грандиозный размах, число зрителей превышало 15 тысяч. Поскольку до этого в течение 10 лет США запрещали проводить японцам демонстрации боевых искусств, все событие, как я понимаю, было рассчитано на то, чтобы показать, что японский дух не сломлен проигравшим в прошедшей войне.

Канчо участвовал в этом шоу и, согласно большинству источников, завоевал главный приз, что сделало его самым знаменитым в Японии мастером боевых искусств. Другие источники утверждают, что главного приза, как такового не было и что все решили, что Канчо – победитель, потому что бригада пожарных начинала неожиданно играть победный марш не менее трех раз в течение его выступления. Они не чествовали таким образом никого больше, и это, предположительно, может быть зачтено, как главный приз.

В результате оглушительного успеха на демонстрации 1954 года Канчо не составило труда привлечь спонсоров, которые помогли ему основать первое додзё Ёшинкан.

Учитель Канчо, Уэсиба, был менее увлечен демонстрациями. В 30-х годах его просили продемонстрировать свое искусство в императорском дворце. Сначала Уэсиба отказался, сказав, что он может продемонстрировать только реальное айкидо императору, а реальное айкидо всегда заканчивается смертью противника. Император прикажет кого-нибудь убить? Из дворца ответили: – Ну же, не увиливайте, наверняка вы можете продемонстрировать что-нибудь не смертельное? Уэсиба неспешно поднялся со своего футона. Он в то время страдал от хронического болезни печени, которую приобрел в юности, на спор выпив восемь галлонов морской воды. Но перед взором императора он собрался духом. Его первый ученик атаковал его по команде и Уэсиба сдержался, но тем не менее, сломал ученику руку. Второй ученик, которым был, кстати, Канчо выжил в

течение оставшихся сорока пяти минут демонстрации айкидо. Он потом писал, что вынужден был провести в постелю битую неделю, оправляясь от этого экстремального опыта.

Наша демонстрация должна была проходить на стадионе полиции в Накано. Вместо императорского двора нашими зрителями будут бизнесмены, местные чиновники и университетские и школьные клубы со всей Японии. Мы должны выйти вместе с полицией, сидеть на коленях, пока копы демонстрируют свои навыки, показать свою часть выступления и затем все вместе уйти. Все должно быть синхронно и вся группа должна была делать одну и ту же технику одновременно.

Наше выступление начиналось с техник от прямого удара от бедра, как в каратэ. Бешеный Пес должен был ответить входом ирими, после чего бросал меня на татами. Я переворачивался на спину и вставал на ноги одним грациозным движением. Затем следовала целая очередь хватов за запястье и бросков, за которой следовал грандиозный финал, где я падал прямо на колени, увлекая Бешеного Пса за собой. Пока он лежал на земле, я должен был ударить его в висок, этот удар Бешеный Пес блокировал, а я должен был испустить боевой клич, кийай. Причем закричать надо было одновременно со всеми остальными участниками выступления.

Пол всегда лучше других справлялся с тем, чтобы довести действия группы до полного автоматизма. Он был очень дотошным и систематическим, останавливал репетиции только в тех местах, где были проблемы. Он забыл свою обычную методику с разрушением ритма, которую использовал во время практики. На этот раз он твердо преследовал цель добиться от группы максимальной слаженности и эффективности и тренировки пролетали, как одна минута. Инструкторы-японцы были более расслабленными и менее изобретательными. С ними мы просто повторяли одно и то же до посинения. Это было двухминутное выступление, а мы его прогнали не менее нескольких сотен раз. Эти тренировки так же включали в себя необходимость бесконечных страховок каждый раз одним и тем же способом. Достаточно быстро это закончилось тем, что вне айкидо называется хронической травмой от перенапряжения (ужасные «шишечки» немедленно отомстили за пренебрежение). Косточка сустава моего левого бедра была постоянно опухшей. Прямой удар по «шишечке» обжигал болью все тело. Уникальной болью, добавлю я, и для того, чтобы встать после приземления на больное место, требовалось собрать всю волю в кулак. Один раз, когда Адам лежал на полу после такого приземления, мимо проходил Чида, который сказал в его сторону: «Старушенция!»

Мы пожаловались на наши «шишечки» Рейнальдо, венесуэльцу, который работал моделью. Он был одним из немногих, кто провалил полицейский курс без того, чтобы сначала бросить это дело. Он все еще время от времени бывал в додзё, не смотря на то, что прошло уже два года. Он был высоко оплачиваемой моделью и баловался айкидо. Его айкидо было неплохим, однако инструктора считали, что его латиноамериканский пофигизм недопустим. В Рейнальдо было что-то от рептилии, даже когда он старался выглядеть сочувствующим.

– О, это действительно плохо, я же вам объяснял, помните? Если вы падаете на мат с большой скоростью, вы, разумеется, ударитесь о мат. Вы помните?

Мы согласились, что что-то в таком духе уже слышали.

– Как на моем курсе, у вас наверняка есть люди, которые оборачиваются полотенцами и изобретают всякие штуки, чтобы защитить себя. Вы понимаете, о чем я?

Мы поняли.

Рейнальдо посмотрел на свои часы от Картье: – Эй, я не могу больше с вами трепаться, мне нужно быть в другом месте. Пока, парень! – он шлепнул по высоко поднятой пятерне Адама по дороге к выходу.

Совет Рейнальдо гасить скорость падения на мат был правильным, но не слишком полезным с точки зрения облегчения страданий больных «шишечек». Опять таки, один израильтянин с предыдущего курса так сильно повредил себя, что не мог не только ходить, но и спать толком не мог. Он был вынужден ходить к рефлексотерапевту, и это ему помогло.

Бен присоединился к нам на Фуджи Хайтс. У нас всех заканчивались деньги, поэтому решение ухудшить качество жизни путем нахождения еще одного квартиранта, с кем можно было бы делить арендную плату уже на четверых, было разумным. Надо сказать, что то, что народу прибавилось, сразу стало заметно. Все четверо спали в той же комнате площадью в шесть татами, на футонах, которые скатывались днем в рулоны. Голова Бена упиралась в стену, а его ноги упирались в спящего товарища. То, что он предпочитал спать свернутым в

калачик в позе зародыша, было чистой удачей. Но даже так мы постоянно спотыкались о его ноги 45-го размера. Как-то раз он пришел домой, купив пару кроссовок, которые действительно ему подходили. Это был единственный раз, когда он смог купить в Токио что-то, что ему не было мало. Его сменной парой обуви были сапоги Dr. Martens, которые занимали все пространство под столом. Это начинало меня подспудно раздражать: ну зачем, черт подери, ему нужно быть таким громадным? В чем тут эволюционное преимущество? Он ест очень много. Я начинал мечтать о том, чтобы укоротить его ноги до колена – это решило бы проблемы с запасами еды и местом в комнате.

Каждый день Бен и я ехали на велосипеде вместе до додзё, хотя Бен очень хотел купить мотороллер Хонда 90, который Стефан Баварец продавал за \$200.

- Я очень тебе не рекомендую покупать мотороллер, - сказал Крис

- Ты должен быть сумасшедшим, чтобы его купить, - поддержал его я

- Почему? - спросил непокорный Бен

- Во-первых, потому что ты никогда до этого не водил мотороллер и движение в Токио похоже на ночной кошмар; во-вторых, потому что на мотороллере ты непременно попадешь в аварию; в-третьих, потому что ты невнимателен, поэтому непременно попадешь в аварию в любом случае.

- Нет, не попаду! - сопротивлялся Бен.

- Попадешь. Вспомни про свою шею, например.

После фиаско с госпиталем Бен травмировал себе шею регулярно. Он, похоже, совершенно был не в состоянии позаботиться о себе и избежать травм.

- Хорошо, я слышал, что вы сказали. - На следующий день Бен купил мопед.

Он не был единственным из группы, который ездил на мопеде. У Адама тоже был скутер, который он вручную разрисовал. На одной стороне были написано громадными буквами: «Мобильный раковый корпус» с изображением большой дымящей сигареты. На спине тем же крупным шрифтом было написано: «Поберегись! Алкоголик за рулем» Менеджмент додзё был недоволен, тем, что разукрашенный таким образом мопед красовался каждый день перед входом, поэтому Адам накидывал на него тонкое покрывало, которое слегка прикрывало надписи.

У Адама каждый день случались микро-травмы, которые позволяли ему делать передышки время от времени с того момента, как он упал в обморок на татами на первой неделе занятий. По понятной причине, никто его не воспринимал всерьез. Один раз он пришел с порезанной рукой и «потянутой паховой связкой».

- Что случилось? - спросил Стампи на утренней встрече, которую он традиционно завершал вопросом: «Какие есть мысли, вопросы, комментарии и прочие устные сообщения?»

- Я напился, - сказал Адам. Начало было плохое. Травмы, нанесенные себе в результате неосторожности в додзё не принимались во внимание. - И упал с лестницы, держа стакан в руке. Посмотрите, я порезался!

- Вранье и подделка! - завопили мы в один голос. Первоначальное сочувствие перешло в цинизм.

- Ну конечно, ребята, я специально упал с лестницы... - пробормотал расстроенный Адам.

- Следующий, - сказал Стампи, очевидно, желая покончить со списком травмированных как можно быстрее.

Несколько позднее «Раковый корпус» стал косвенной причиной одной из Адамовых травм. В одно утро он пришел, прихрамывая и вздыхая. Я думаю, что его пристрастие к показным страданиям было одним из тех качеств, которые раздражали окружающих даже больше, чем его привычка жалеть себя.

- На этот раз что? - спросил Билл.

- Я упал с байка. - сказал драматически Адам.

То же самое он повторил и на встрече со Стампи.

- Он придуривается! - в один голос сказала вся группа, в то время, как Стампи слушал детальное изложение Адама.

- Ну конечно, ребята, конечно - как будто я хотел ушибить носок специально.

Рэм, чье знание английского языка обычно не позволяло ему достаточно быстро понять, о чем идет речь, на этот раз моментально схватил суть: «Ушибленный носок?!» - сказал он скептически.

Но не все так себя вели. В один из дней я записал в дневник единственную фразу, которая говорила многое о том, как прошли тренировки: «Вторник, 20 августа. Сегодня Крейг плакал от боли.»

День показательных выступлений надвигался неумолимо и мы стали репетировать выход. Это было нетрудно для копов и тех, кто был в армии, но я никогда не

маршировал раньше. Я нашел это дело потрясающе легким по сравнению с теми сложнейшими техниками, которые мы должны были продемонстрировать во время выступления. Я даже стал немного топтать ногами, когда мы без конца ходили вокруг татами, чтобы это было больше похоже на военный парад.

- Прекрати топтать ногами! - сказал Андо-сенсей, - Ты же не в ботинках!

Круг за кругом мы маршировали и бегали с удвоенными усилиями. Я старался держаться в группе, а не в одиночестве и не работать с партнером. Да, - я думал, - теперь я понимаю, в чем привлекательность армии, маршировать в толпе, четко выполнять команды - нет технической сложности! Маршировать было лучшей и самой приятной частью всего шоу.

Как раз в этот момент мои неуклюжие страховки раскритиковали. Я страховался, стараясь пригнуться к земле как можно ниже, и слишком спешил, а также был недостаточно расслаблен. Мастерд требовал от меня делать верхнюю страховку снова и снова, но думаю, что я делал в результате только хуже и хуже. Частью потому, что был травмирован, а частью потому, что у меня был неправильный образ того, как легче сделать верхнюю страховку. Японцам в этом смысле проще. Андо сказал, что я должен совершенствоваться, делая страховки вперед, прежде, чем переходить к верхним. «Ты должен делать одни и те же движения.» - сказал он. На его уроках, которые были тщательно построены и хорошо продуманы, я чувствовал, что действительно сильно улучшаю свои навыки. Он смотрел, как вы делаете упражнение, тряс головой, если что-то было не верно, и заставлял вас принять правильную позу, чтобы вы могли поймать верное ощущение. С Робертом Мастердом все, чтобы я не делал, раздражало его. «Я выбью этот снобизм из тебя!» - ворчал он. Впервые я понял, что скорее всего, его просто раздражал мой «снобистский» английский акцент! Очень плохо, подумал я. Мы слишком нетерпеливы, похоже, эта болезнь всех иностранцев, кто учится в Японии. Они осознают, что не могут оставаться в Японии вечно, и поэтому им не терпится научиться всему и побыстрее. «Каждый день просто еще одна тренировка» - говорил Чида сенсей. - «Это не день номер три или сто три.» Но это именно то, как мы чувствовали процесс, и когда заполняли журнал группы, пишущий обычно провозглашал с триумфом в голосе: «сотый день, всего сто восемьдесят семь дней до окончания курса!»

Я почувствовал, что что-то не так. Бен уехал раньше, чем я, но когда я приехал в додзё, его все еще там не было. Он уехал на своем печально известном мопеде. Я собирался уже было пойти переодеться, когда ввалился Бен, кровь сочилась через одну из его кроссовок. Он периодически начинал плакать.

- Ты не поверишь, что случилось? - сказал он, всхлипывая.

- Ты попал в аварию

- Машина переехала мою ногу!

- Я не удивлен, потому что они у тебя громадные. - Затем я смягчился немного.

- Ты сильно пострадал? Сломал что-нибудь.

Бен потряс головой отрицательно. Затем пришел Даррен и неожиданно проявил изрядную долю сочувствия. Мы сняли кроссовку, его нога представляла собой сплошной синяк, однако кости, похоже были целы. Он ушел делать рентген. Бен заслужил себе два дня в сейдза. Оямада решил, что Бен сидит в сейдза в качестве наказания за мелкое нарушение и пнул его, когда проходил мимо в начале тренировки. Потом ему сказали, что Бен повредил ногу и занимается митори гейко, наблюдением. Оямада не извинился - мастера боевых искусств никогда не извиняются, и редко объясняют свои действия, но он выразил сочувствие несчастью Большой Ноги.

По дороге домой мы окружили Бена.

- Я знал, то что-то подобное произойдет, - сказал я.

- ОК, ОК. - сказал униженно Бен.

- Как ты думаешь, нога заживет до показательных? - спросил он

- Не-а, - сказал Крис, - но тебе придется участвовать.

Осталось всего полторы недели. Бен забинтовал ногу и продолжил тренировки. Он больше никогда не ездил на мопеде.

Мы сделали один полный прогон накануне шоу, и он прошел безупречно. Это было похоже на чудо, особенно, если сравнить с нашими напряженными и неуклюжими попытками в предыдущие три недели. И что самое интересное, абсолютная синхронность делала наше выступление законченным, как балет или театральную

пьесу. Шесть синхронных киай, обозначающих конец грациозных страховок и ударов. Однако, это означало, что второй раз на шоу выступление так гладко пройти не может. Верхние страховки стали получаться лучше, либо инструкторам просто надоело меня все время исправлять. Над татами повисла тишина, которую в данном случае можно было засчитать за бурные и продолжительные аплодисменты. Мы были в наилучшей форме перед шоу.

В день показательных выступлений и мы приехали на стадион в наших дурацких куртках и переоделись в доги. В типичной для Ёшинкан манере мы должны были собраться за четыре часа до начала выступлений, которые начинались после ланча. Мы помогли студентам разложить татами, в то время, как Чида и Андо руководили процессом через мегафон. Чида-сэнсей, один из величайших мастеров боевых искусств в мире, помогал подросткам-студентам раскладывать татами – это то, что я никак не ожидал бы увидеть, будь я на Западе.

После того, как мы выстроились в шеренги для марша, немедленно появилось ощущение нервозности. Это было гораздо хуже, чем перед экзаменом. Стампи бегал кругами и раздавал советы: «Ничего страшного, если вы нервничаете. Важно это чувство использовать с умом». Это было, как обычно, короткое наставление, которое помогло мне немного остыть – на минуту.

Мы стояли на громадном татами посреди крытого стадиона. Любители айкидо со всех концов страны заполнили все места на трибунах. Сначала мы слышали неразборчивые приветствия, и прочий шум, затем – тишина. Мы ждали команды к началу шоу.

Я подумал: «Я не сделаю ошибки, потому что я не могу это себе позволить». Затем я услышал команду начать. Мне показалось, что звук команды доходит до меня через толщу воды. Мой первый удар был как в замедленной съемке, затем Бешеный Пес отбил мой удар и мы стали работать со скоростью, заметно превышающей нормальную. Я с трудом вспоминаю вихрь тел, одетых в белое, и как последний кадр – мою руку, занесенную над головой перед последним ударом. Я должен бить, или нужно подождать? Финальный киай просочился ко мне в уши как раз, когда моя рука опускалась вниз. Я на долю секунды опоздал, но прокричал все равно.

Наша синхронность была удовлетворительной, но, к сожалению, ощущения групповой «магии» исчезло. Я упустил совершенство, и наше выступление действительно не было совершенством, но все всё равно нас поздравляли. Когда потом мы смотрели наше выступление на видео, Бешеный Пес сказал: «Хорошо то, что никто не может заметить, где мы ошиблись.» Мы оба сделали незначительные ошибки, но никто, даже камера, их не заметил.

Интересно, выберет ли великий Такено Роберта Мастарда в качестве своего уке, партнера для демонстрации. Однажды, несколько лет тому назад, Такено не выбрал Мастарда в качестве партнера, и не объяснил это никак. Возможно, он хотел, чтобы Мастард перестал быть таким самодовольным. В предыдущий раз Мастард был в паре с Такено, и они демонстрировали айкидо такого градуса ярости, которого я потом никогда не видел. Мастард атаковал Такено с полной серьезностью, («95% серьезности», сказал в последствии Мастард: «недостающие 5% мешали мне быть убитым») и валился потом на землю с нереальной скоростью.

Такено вел полицейский курс двадцать лет, пока, в конце концов, не поссорился с Канчо из-за забытого зонтика. Такено был самым преданным учеником Канчо, и как туманно намекали, Такено даже совершил бы сеппуку для Канчо. Как-то однажды после занятий в додзё Канчо забыл свой зонтик. Канчо ворчал: «Никто из вас не любит меня, никто даже не подумает обо мне – вы все только о себе и думаете!» Это было слишком для Такено, который всю свою жизнь посвятил служению основателю додзё. Он в гневе уехал назад в свою родную префектуру Яманаши и основал там свое собственное додзё.

Додзё Такено завоевало большинство призов на шоу. Все знал, что он заставил своих студентов практиковаться за три месяца до выступления, в то время как наше додзё начинало подготовку всего за две или три недели. Это было одним из многих отличий в стиле между двумя великими мастерами: Чида и Такено. Чида был совсем расслаблен, и практиковал айкидо, которое было не эффективным с внешней стороны, но там не было ни единого лишнего движения. Ощутить на себе его технику означало ощутить непреодолимую силу, которой ты не в состоянии сопротивляться. Такено же выработал взрывной стиль, невероятно быстрые движения, мощные и очень опасные для уке. От уке требовалась недюжинная храбрость, чтобы ассистировать Такено, так как его версия «вертолета» посылала уке в полет через ползала и обычно ассистент приземлялся под

довольно опасным углом. Мастард определенно верил, что Такено является самым великим среди мастеров, и, хотя никогда не выказывал открыто неуважения к Чиде сэнсею, все знали, что Такено он ценит больше.

Мастард и Такено сидели за столом и разговаривали. Похоже, в этом году Такено выберет уже из числа своих собственных учеников. Однако Роберт Мастард не имел права обижаться, поскольку Такено пригласил его в додзё в Яманаши, чтобы Мастард провел там тренировки в следующем месяце – это будет сгладит обиду от того, что его не выбрали в качестве уке в этом году. Это самая почетная роль, которая демонстрирует высокое одобрение учителя. Даже человек с репутацией «толстокожего ублюдка», как Такено, в Японии должен был заботиться о чувствах окружающих.

Ближе к концу дня все самые опытные учителя вместе провели демонстрацию техники работы в дзю вадза – свободной атаки ножом, мечом, или просто голыми руками. Все инструктора могли продемонстрировать более или менее далекие от ката варианты техник. Некоторые просто останавливали атакующего шлепком ладони по подбородку, другие двигаясь грациозно как в балете, поворачивались или отшагивали, чтобы заставить уке упасть безопасным, но впечатляющим способом.

Андо продемонстрировал свой скоростной стиль, и я в первый раз увидел, как Чиде применяет оги, секретную технику. Он попросил двух ассистентов поднять его в воздух, каждый ассистент твердо держал одну руку так, что Чиде, очевидно беспомощно, повис в двух или трех футах от земли. Это было похоже на Гудини. Сначала ничего не происходило, а потом Чиде прыгнул на землю, а два ассистента уже кувыркались в воздухе. Секрет Чиде состоял в том, чтобы опустить центр тяжести в ноги без движения. И в тот же самый момент он менял положение рук, чтобы ослабить хватку помощников. Это было настолько неожиданно, что ассистенты не успели сообразить, как они оказались в воздухе.

Затем Чиде продемонстрировал технику в дзю вадза, с первым попавшимся под руку противником, которым оказался Майк Кимеда. Кимеда был слишком медленным для Чиде и приземлившись он повредил себе лодыжку.

Когда наступила очередь воинственного и как всегда с тщательно уложенными волосами Накано, он выбрал в уке Кикучи, который был очень симпатичным и спокойным парнем, и одним из учи-деши (учеников, принятых в дом учителя, что демонстрирует высокую степень признания учителем их навыков. Прим. Переводчика). В свои двадцать восемь лет он был одним из самых старших учи-деши, но и одним из самых умелых тоже. Его айкидо было весьма хорошим, точно не хуже, чем у Карлика Фуджитоми, но немного уступало от природы более одаренному «гуттаперчивому мальчику» Йоджи, который был самым младшим учеником. Все, что случилось позже, невозможно никак объяснить, как только с точки зрения ненужной жестокости.

В отличие от поединков в каратэ или в боксе, демонстрация айкидо является односторонней. Укэ просто позволяет мастеру продемонстрировать все, на что тот способен. Это не значит, что укэ должен играть в поддавки, но от него требуется некоторая доля кооперации. На уровне мастеров вроде Такено или Мастарда, падение уке – это результат его предыдущей атаки. Мастард вообще в тот момент находился на стадии, когда чем жестче уке, и чем менее он настроен кооперировать – тем проще с ним работать. К сожалению, чем жестче уке, тем больше вероятность того, что он будет травмирован. Мягкие и гибкие партнеры просто выскальзывают из рук, как резиновая змея. Кооперация укэ так же распространяется на способ атаки. Некоторые мастера не заботятся о том, каким способом их будут атаковать, они готовы ко всему. Другие просят продемонстрировать какой-либо конкретный вид атаки, например: боковой или прямой удар и так далее, чтобы акцентировать внимание зрителей на определенной технике или аспекте отражения атаки.

Произошло следующее: Кикучи неправильно расслышал команду Накано. Он атаковал прямым ударом, в то время, как Накано просил его сделать боковой удар, нацеленный в висок. Накано легко блокировал неправильную атаку и дальнейшее движение Кикучи, и кинул уке таким образом, чтобы тот приземлился на основание шеи, и не имел возможности замедлить падение. Кикучи попытался подняться, но споткнулся, и упал на колени. Очевидно, он был оглушен ударом. Другой учи-деши поспешил занять его место, в то время как оглушенного Кикучи оттащили в сторону.

Это было отвратительное в своей бессмысленной жестокости зрелище. Кикучи доверился учителю, и был наказан таким ужасным образом! Укэ знает, что каждый

раз, когда он атакует учителя, ему придется страховать. Это та часть айкидо, которая требует доверия. Мастерд говорил: «Если вы не доверяете учителю, не вставайте с ним в пару.» Не так-то просто для учи-деши в точности делать, что их просят. Они являются частью системы, и если их учитель имеет на них «зуб», им придется нелегко.

Я мог бы перечислить целый список моментов, которые мне кажутся неприемлемыми и темной стороной японского будо. Сакума, которого постоянно пинали каждый раз, когда он пытался сделать технику, Бен, которого заставили делать кроличьи прыжки, пока он не потерял сознание на жаре, жестокое обращение Фуджитоми с Дэнни, в результате чего последний постоянно травмировал себе колено и вот теперь еще бессмысленное насилие над Кикучи.

Были и другие травмы, полученные в ходе шоу: один японец сломал себе плечо и его увели, залитого кровью и с торчащим из кимоно куском кости. Так же сломанная лодыжка Кимеды, и несколько других переломов и растяжений. Но это были честные травмы, полученные не в результате чьего-то злого намерения. Это были просто случайности, а не наказание в тюремно-лагерном стиле.

Когда мы вернулись с шоу, у Криса была еще одна плохая новость. Мальш Канчо умер и всплыл кверху брюхом. Мы похоронили его внутри большой бутылки из под саке. Достойный конец великого учителя. Бен предлагал заспиртовать его для потомков, но мы все были против – у нас и так в комнате было слишком мало свободного места. С трогательной почтительностью бутылка была помещена в один из громадных пластиковых мусорных баков напротив Фуджи Хайтс.